
J
J

ЧИТАЙТЕ ВСЕ РОМАНЫ

СТИВА КАВАНЫ:

«Защита»

«Сделка»

«Лжец»

«Тринадцать»

«Пятьдесят на пятьдесят»

«Судный день»

«Соучастница»

«Восьмой свидетель»

«Два типа незнакомцев»

СТИВ КАВАНА

ЛЖЕЦ

INSPIRIA
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
К12

Steve Cavanagh
THE LIAR
Copyright © Steve Cavanagh 2017

Кавана, Стив.
К12 Лжец / Стив Кавана ; [перевод с английского А. Лисочкина]. — Москва : Эксмо, 2027. — 416 с. — (Tok. Национальный бестселлер. Британия).

ISBN 978-5-04-248995-2

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Эдди Флинн, блестящий адвокат с прошлым мошенника, умеет найти трещины даже в идеально выстроенном обвинении. Но сейчас его клиент обвиняется в чудовищном преступлении: похищении и убийстве собственной дочери. Улики безжалостны, а полиция уверена, что дело можно закрывать. Шансы защиты близки к нулю.

Тем не менее Флинн взялся за это дело — он узнал в глазах Хауэлла ту же боль, что пережил сам, когда похитили его дочь, и уверен: этот человек невиновен. Но чем глубже Эдди погружается в расследование, тем яснее понимает: кто-то искусно подменяет факты, сталкивает людей лбами и заставляет их играть по своим правилам. В этом деле слишком много лжи… А на ложь у Эдди особый нюх.

Ему предстоит не только спасти клиента, но и самому не стать следующей жертвой в игре, где главная цель преступника — заставить всех поверить в свою ложь. И этот преступник прячется где-то совсем рядом…

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Артём Лисочкин, перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2027

ISBN 978-5-04-248995-2

Хлое

Торжественно клянусь свято соблюдать Конституцию Соединенных Штатов и Конституцию штата Нью-Йорк и добросовестно исполнять свой долг адвоката и юрисконсульта, прилагая к тому все свои усилия.

Раздел 1 статьи XIII Конституции штата Нью-Йорк: присяга вступающего в ряды адвокатуры

Всяк лжец на клятвы щедр.
Из комедии «Лжец» П. Корнеля[1]

[1] «Л ж е ц» (*фр.* «Le Menteur») — комедия французского драматурга Пьера Корнеля, написанная в 1644 г. Основанная на испанской пьесе Хуана Руиса де Аларкона, она рассказывает о молодом дворянине Доранте, который постоянно говорит неправду, но, в отличие от испанского оригинала, у Корнеля этот порок вызывает скорее симпатию. — *Здесь и далее прим. пер.*

ЧАСТЬ I

2 августа 2002 года
Где-то на севере штата Нью-Йорк

Дитя заходилось в плаче вот уже добрых двадцать минут. Девочку покормили, перепеленали, укачали, спели ей песенку и даже взяли на руки. На последних сроках беременности Джулия прочла с полдюжины книг на эту тему и теперь уже в пятый раз за день попыталась применить методику «контролируемого плача»[1]. В книге утверждалось, что нужно предоставить ребенку угомониться самому. По словам автора, это было важной частью обучения самостоятельному засыпанию. Следовать этому указанию оказалось непросто, и Джулия так ни разу и не сумела продержаться рекомендованные две минуты без того, чтобы не зайти в детскую и не подхватить дитя на руки. Даже в самых туманных уголках своей памяти Джулия не могла припомнить, чтобы мать когда-либо держала ее на руках. Когда у нее самой родился ребенок, поначалу она чувствовала себя косорукой и неуклюжей — держать на руках этот драгоценный комочек жизни казалось чем-то неправильным. Казалось, что ей нельзя доверить что-то такое новое, такое чистое и такое хрупкое.

[1] Подход к управлению детским сном, предложенный американским ученым Ричардом Фербером.

Толкнув дверь в детскую и приблизившись к кроватке, Джулия принялась издавать «воркующие» звуки, как это подавалось в книге. Младенец почти сразу же притих. Плотные рулонные шторы были опущены, и лишь единственный ночничок освещал лицо Джулии приглушенным светом. Вполне достаточно для того, чтобы девочка видела свою маму, слыша ее голос. Джулия продолжала тихонько напевать, постоянно улыбаясь, пока малышка медленно погружалась в сон. А потом бесшумно двинулась к выходу из детской, убедившись, что радионяня включена, прежде чем выйти и закрыть за собой дверь.

Цифры на электронных часах сменились на десять ноль пять.

Джулия направилась в импровизированную студию, устроенную в одном из подсобных помещений дома. Посреди нее осуждающе торчал мольберт с незаконченным полотном. Засунув приемник от радионяни за пояс джинсов, она огляделась в поисках фартука. Нашла его валяющимся в углу, надела и приступила к работе. Первые полчаса все шло более-менее гладко, но затем, когда ее начало понемногу колбасить, мазки стали неровными. Там, где раньше у нее получались прямые изящные линии, они выходили дрожащими и кривыми. Дрожь усилилась, и Джулия ощутила знакомый преступный голод. Накануне ей удавалось изобразить каждую из черепиц на крыше набросанного на полотне домика одним уверенным ударом кисти, но теперь они налезали друг на друга и выходили разными по размеру.

Джулии требовалось срочно поправиться.

Она сняла фартук, бросила его в тот же угол студии, где недавно нашла, и отправилась на поиски лекарства. Пройдя по коридору, оказалась напротив детской. Зайдя в кабинет, закрыла за собой дверь и заперла ее на ключ. Выключатель на стене запустил потолочный вентилятор — выставив регулятор на максимальную скорость,

Джулия открыла все окна. Раскурила стеклянную трубку. Затянулась.

На второй затяжке результат не заставил себя ждать. По всему телу расползлось сахариново-сладкое, густое чувство наслаждения. Сердцебиение участилось, а волна эйфории принесла с собой тепло, словно она закуталась в теплое одеяло.

Звук закрывающейся входной двери заставил ее вздрогнуть. Похоже, наконец-то вернулся Скотт. Ее бросило в пот, почти сразу же, и Джулия вытерла лоб. Положила трубку обратно на письменный стол и открыла дверь в коридор.

Но там никого не было. Все ее чувства были затуманены. Звуки казались одновременно и более громкими, и какими-то приглушенными. Как будто источники этих звуков вдруг приблизились к ней, но теперь она оказалась под водой и вслушивалась сквозь густую пелену жидкости. Джулия напрягла слух. И вот оно опять… Тихий скрип отставшей половицы в комнате напротив. Выйдя в коридор, она медленно открыла дверь детской.

Свет из коридора проник в комнату.

В детской стоял мужчина.

Незнакомый. Одетый во все черное. Склоняясь над детской кроваткой. Комната накренилась. Из-за задернутых занавесок и глухих рулонных штор, опущенных для детского сна, черты лица мужчины было не различить. Хотя чем больше ее глаза привыкали к темноте, тем лучше Джулия могла его разглядеть.

На нем были черные перчатки — блестящие кожаные перчатки. А лицо и голова у него были какой-то неправильной формы. Ступив в детскую, она поняла, что на нем противогазная маска.

Видение, представшее перед ней, было настолько вопиющим, настолько непозволительным, настолько нереальным и в то же время настолько приземленным, что по-

началу Джулия не обратила внимания на запах. И только теперь уловила его. Сильный. Всеподавляющий. Слишком хорошо знакомый.

Бензин… Вся комната была буквально пропитана бензином.

Прежде чем ударила паника, все ее чувства резко обострились. И в тот же самый парализующий момент Джулия осознала, что возобновившийся было плач ее ребенка резко оборвался.

На миг ей показалось, будто она падает. Темнота в комнате словно набросилась на нее. А затем Джулия и в самом деле начала падать. И прямо перед тем, как удариться об пол, ощутила резкую боль во лбу. И вроде как что-то влажное попало ей в глаза. Что-то едкое, отчего их жутко защипало. Вытерев лицо, она уставилась на кровь у себя на руках. И едва успела подняться на ноги, как темнота вновь поглотила ее. Черные перчатки обхватили ее за плечи и подтолкнули к выходу из детской, к противоположной стене коридора.

Джулия не могла даже вскрикнуть. Хотя ей хотелось закричать. Ей нужно было закричать. От паники перехватило горло, а сердце колотилось в груди, словно футбольный мяч в стиральной машине. Одна из удерживающих ее рук разжалась, и Джулия извернулась, пытаясь высвободить второе плечо.

Что-то очень твердое быстро опустилось ей на макушку. На сей раз она мгновенно почувствовала боль — вспыхнувший внутри мозга огонь распространился по всему черепу, и Джулия ощутила, как уколы мучительной боли разливаются по шее и плечам. Фигура в черном отпустила ее вторую руку, и на мгновение ей показалось, что все позади. Он отпускает ее. Но она ошибалась.

Джулия почувствовала, как сильные руки упираются ей в грудь, после чего отлетела назад и услышала, как ее

голова со стуком ударилась об угол стола. Темнота последовала за ней, догнала, и все вокруг стало черным.

Тишина… Неподвижность… Сон.

* * *

Но тут что-то внутри у Джулии вдруг проснулось.

Казалось, будто кто-то колотит в дверь. Этот шум становился все громче. В голове возникла тупая боль, которая быстро усиливалась. Как будто кто-то крутил ручку настройки, увеличивая ее интенсивность, пока эта мучительная боль не стала просто невыносимой.

Глаза у нее открылись, а тело завалилось куда-то вбок. Джулия не знала, стоит она или падает. Жутко кружилась голова. Руки нащупали пол под собой, и она приподнялась на колени. Попыталась вдохнуть, но воздуха не было. Только густой черный дым. Борясь с приступом кашля, Джулия ухватилась за письменный стол, чтобы подняться на ноги. С губ сорвались всего два слова.

«Моя малышка…»

Как-то ухитрившись обернуться, она увидела, что дверь закрыта, но не до конца. Распахнув ее, наткнулась на стену яростного пламени. По коже ударил нестерпимый жар. Это было все равно что врезаться в пылающую кирпичную стену. Огонь с ревом вырывался из детской, уже занялись потолок и ковер в коридоре. Подняв руки над головой, Джулия выбралась в коридор, но было нечего и думать, чтобы попасть в детскую. И даже просто разглядеть, что там творится внутри. В детской бушевал сущий ад. И хотя дым забил ей легкие, а слезы испарялись на щеках от жара, Джулия испустила крик. Долгий, обжигающий горло крик.

Она не знала, как долго простояла там, чувствуя опаляющий жар на всем теле и слыша, как шум горящего дома заглушает ее голос. С треском раскололся потолок, вниз

повалились осколки штукатурки и пыль, а затем и тяжелая балка, которая рухнула прямо на Джулию.

Она лежала, то приходя в себя, то вновь теряя сознание. Кровь, стекавшая с головы, холодила кожу. Джулия знала, что перед тем, как эта балка свалилась на нее, ее охватило настойчивое стремление пойти куда-то в этом доме, взять там что-то, но вот что именно, никак не удавалось припомнить. Когда к дому подъехала пожарная машина, Джулия поняла, что охвачена глубокой тоской, — что она только что потеряла что-то или кого-то.

А потом окончательно провалилась в небытие.

Глава 1

Хорошо за полночь, вполне еще трезвый, я стоял возле здания, в котором помещался мой офис, одетый в свой лучший черный костюм, белую рубашку и зеленый галстук, в начищенных ботинках и даже более-менее аккуратно причесанный, ожидая машину, которой предстояло доставить меня в самый центр кошмарного сна наяву.

На Западной Сорок шестой улице вроде было тихо, бар на углу уже закрылся на ночь. Припозднившиеся гуляки дружно игнорировали выставленные на тротуары ресторанные столики, предпочитая сидеть внутри, восхваляя Господа за изобретение кондиционера. Я пробыл на улице всего пять минут, а моя свежая рубашка уже промокла на спине насквозь. Июль в Нью-Йорке всегда означает, что всё и вся на улице страдает от жары и сырости.

Преступность летом растет, поскольку люди слегка трогаются мозгами. Причем люди, которых никак не назовешь тронутыми в любое другое время года. Снижение статистических цифр преступности среди обычных правонарушителей, которым в такое пекло зачастую просто лень причинить себе или кому-нибудь еще серьезный ущерб, компенсируется за счет обычных мужчин и женщин, которые в эту жуткую жару вдруг слетают с катушек, с изумлением взирая потом на собственные руки, мокрые от крови и пота. Одно человеческое существо под влиянием момента неожиданно сотворяет что-нибудь совершен-

но немыслимое с другим. Июль в этом смысле — самый психованный месяц лета.

Уже две недели стояла рекордная жара, и даже темнота не приносила облегчения.

В отличие от большинства адвокатов, у меня не было при себе портфеля. Или хотя бы блокнота. Вообще-то я даже не был уверен, прихватил ли с собой ручку. В кармане моего пиджака лежал один-единственный документ. На четырех страницах, через один интервал. Договор на оказание юридических услуг. В конце его было оставлено место для подписи моего очередного клиента. Больше мне ничего и не требовалось. Преимущество работы в одиночку заключалось в том, что мне не было нужды делать много записей на случай, если кто-либо еще вдруг возьмется за одно из моих дел. Показания свидетелей, протоколы полицейских допросов, даты судебных слушаний, результаты отбора присяжных — все это я держал в голове, если не считать обрывочных заметок, поспешно накарябанных на первом попавшемся листке бумаги таким почерком, который вряд ли кто-нибудь еще разберет. Исключением были те дела, о которых все мы стараемся больше не вспоминать.

Обливаясь по́том в своем костюме, я размышлял, не станет ли дело, за которое мне предстояло взяться, одним из тех, о которых я в ближайшие годы постараюсь прочно забыть.

Телефонный звонок поступил около двадцати минут назад, прямо на стационарный телефон в офисе, а не на мой сотовый. Поэтому я сначала не взял трубку. Номер моего мобильника имелся лишь у немногих избранных. Знали его мои лучшие клиенты, а также пара-тройка друзей и дежурные сержанты из полудюжины райотделов полиции, которые сообщали мне о любых потенциально вкусных для меня задержаниях и арестах.

Было уже хорошо за полночь, так что я знал, что это не моя жена или дочь. Чего бы ни хотел звонивший, это могло подождать.

Я позволил включиться автоответчику.

«Офис Эдди Флинна, адвоката, сейчас закрыт; пожалуйста, оставьте сообщение после…»

«Мистер Флинн, я знаю, что вы меня слышите. Пожалуйста, возьмите трубку». Мужской голос. Немолодой — на пятом, а то и на шестом десятке. Явственно прослеживались усилия правильно выговаривать слова и скрыть старый нью-йоркский говорок рабочего класса — бруклинский ирландский.

Последовала пауза, пока он ждал, когда я возьму трубку. Я плеснул в свой бурбон еще немного водички и присел на кровать. Спал я в маленькой комнатке в задней части своего офиса. Благодаря паре недавних, по-настоящему хороших гонораров я был близок к тому, чтобы скопить достаточно денег на покупку квартиры, но на данный момент мне вполне хватало раскладушки в задней комнате.

«У меня не так много времени, мистер Флинн. Давайте поступим следующим образом… Я назову вам свое имя, и у вас будет десять секунд, чтобы ответить. Если вы этого не сделаете, я повешу трубку и вы больше никогда обо мне не услышите».

Судя по всему, я вполне мог обойтись и без этого мужика. Он мешал мне пропустить стаканчик на сон грядущий. В последнее время я позволял себе только одну порцию в день. Мое нутро требовало ее уже в шесть часов вечера, но я обнаружил, что мне это необходимо как раз перед тем, как завалиться спать. Большой стакан, выпитый не спеша, помогал заснуть, а иногда даже избавлял от ночных кошмаров. Нет, решил я — как бы этот козел ни назвался, я не стану снимать трубку.

«Леонард Хауэлл», — произнес голос.